

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ

М. А. Волхонский

Роль специальных классов Лазаревского института в развитии «практического востоковедения» в России во второй половине XIX – начале XX в.

Михаил Алексеевич Волхонский – канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

***Аннотация.** В статье освещается сложный путь развития отечественного «практического востоковедения» во второй половине XIX – начале XX в. на примере специальных классов Лазаревского института. Пройдя за это время через несколько крупных преобразований, специальные классы стали ведущим российским учебным заведением, специализирующимся на подготовке «востоковедов-практиков», будущих дипломатов и чиновников, призванных служить в странах Ближнего Востока, а также на восточных и южных окраинах Российской империи. Отличительной чертой специальных классов стало использование в учебном процессе достижений как «академического», так и «практического востоковедения».*

***Ключевые слова:** Российская империя, Министерство иностранных дел, Лазаревский институт, преподавание восточных языков, Д. А. Толстой, Г. И. Кананов, Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский.*

Середина 1850-х гг. стала для отечественного востоковедения переломным временем. Закончился период, когда его развитие определялось появлением большого числа новых учебных центров в различных городах Российской империи – Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Одессе и др. На повестке дня теперь стоял вопрос концентрации весьма ограниченных материальных ресурсов и ведущих специалистов в одном научном и образовательном востоковедческом центре. В Министерстве народного просвещения и среди университетской профессуры велись дискуссии о возможном его местонахождении. В основном обсуждались три варианта – Казань, Москва и Санкт-Петербург [1, с. 77].

Конечно, Петербург с расположенными здесь Академией наук, Азиатским музеем, кафедрами восточных языков в университете, учебным отделением при Азиатском департаменте МИД, а также богатым собранием восточных книг и рукописей Публичной библиотеки являлся наилучшим местом для учреждения главного востоковедческого центра. 22 октября 1854 г. император Николай I утвердил Положение об образовании при Санкт-Петербургском университете особого факультета восточных языков с девятью кафедрами: арабского, персидского, турецко-татарского, монголо-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и маньчжурского языков [3, с. 21–22]. Фактически в Петербург был переведен факультет восточных языков Казанского университета. В столицу переехало большинство его преподавателей, а затем была перевезена значительная часть библиотеки. Министерство народного просвеще-

ния хотело тем самым открыть в Петербурге Азиатский институт для обучения представителей Кавказа [8, с. 205]. Но в итоге появилось нечто большее. Факультет восточных языков Петербургского университета стал главным образовательным и исследовательским центром академического востоковедения в России.

Перед развивавшимся российским востоковедением встала проблема выбора: что и как преподавать в учебных востоковедческих заведениях, прежде всего на факультете восточных языков Петербургского университета. Необходимо было выбрать — либо следовать так называемой немецкой модели академического изучения Востока, связанной с изучением мертвых языков и древних текстов, либо взять на вооружение британскую и французскую модель проведения востоковедческих исследований, имевшую в большей степени практический уклон на обслуживание интересов управления восточными колониями Франции и Великобритании [20, с. 131].

Российская империя имела «собственный Восток» в виде южных и восточных национальных окраин, а также соседних восточных государств (Турция, Иран, государства Средней Азии, Китай). Для эффективного управления окраинами и ведения внешней политики в отношении южных и восточных соседей империя нуждалась, с одной стороны, в накоплении знаний о «российском Востоке», а с другой — в постоянном притоке в систему управления чиновников и дипломатов, получивших востоковедческое образование.

Парадоксально, но не только что открытым в Петербургском университете факультете восточных языков большинство профессуры стало оказывать сопротивление любому давлению со стороны государства и некоторых членов научного сообщества, имевшему целью придать учебной программе факультета практический уклон [20, с. 131]. Его первый декан Александр (Мирза) Казем-Бек видел предназначение факультета в развитии «практического востоковедения», которое можно было непосредственно применять к делу: «именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим, между инородцами, живущими в пределах нашего отечества». Однако его коллеги были категорически против такого направления преподавания. В результате в 1858 г. Казем-Бек ушел в отставку. Новый декан А. О. Мухлинский главной целью факультета определил «научную обработку» древних текстов и других первоисточников, а также распространение знаний [11, с. 9].

Но государство нуждалось в подготовке востоковедов-практиков для государственной службы. В итоге с конца 1850-х гг. закрепляется наметившаяся еще в первой половине XIX в. тенденция специализации российских востоковедческих центров, где Петербург стал носителем традиций академического, «классического востоковедения», а в Москве (в университете и Лазаревском институте) в большей степени обращали внимание на «практическое востоковедение», которое, следует особо отметить, развивалось крайне непросто.

Основной проблемой здесь был поиск в рамках учебного процесса оптимальных пропорций между преподаванием чисто академических и прикладных востоковедных дисциплин. Другими словами, «практическое востоковедение» должно было решить вопрос — что нужно преподавать студенту, чтобы он стал востоковедом-практиком, способным эффективно выполнять обязанности чиновника-администратора, коммерсанта, дипломата в странах Востока или восточных регионах Российской империи. Развитие этого направления отечественного востоковедения постоянно сталкивалось с проблемой нехватки преподавательских кадров, учебных пособий и программ.

В данной статье попытаемся проследить сложный путь развития отечественного «практического востоковедения» во второй половине XIX — начале XX вв. на примере специальных классов Лазаревского института.

В конце 1850-х гг. в институте стали проявляться просчеты, допущенные в ходе реформы 1848 г. [6, с. 91–105] в системе преподавания восточных языков. В рамках гимназических классов одновременно осуществлялась подготовка сразу по нескольким направлениям: учителей для армянских школ; армяно-григорианских священнослужителей; чиновников и переводчиков для кавказской администрации. В результате такой многопрофильности восточные языки в гимназических классах стали восприниматься как излишняя нагрузка, а «закавказские» и «кавказские» воспитанники смотрели на занятия восточными языками в гимназических классах как на повинность, «связанную с кавказскими стипендиями» [22, с. VI]. Что же касается других воспитанников, то многие, если не большинство, стремились после окончания гимназических классов поступить в университет, а не продолжать обучение в лицейских классах, в связи с чем обучение восточным языкам казалось им бессмысленным.

Таким образом, гимназические классы Лазаревского института так и не смогли стать специальной средней школой по изучению языков Востока. В то же время стало очевидным, что отведенных для высших лицейских классов двух лет не хватало для освоения того объема знаний, который предписывала университетская программа изучения восточных языков. Кроме того, между учебными программами гимназических и высших лицейских классов со временем обнаружились диспропорции. В итоге учащиеся приходили в лицейские классы недостаточно подготовленными, что в свою очередь мешало дальнейшему успешному усвоению программы восточных языков. Таким образом, как писал Г. И. Кананов, профессора и преподаватели скоро убедились в том, «на каких неверных и шатких основаниях построено было в Институте учебное дело» [13, с. 21].

Несколько раз в конце 1850-х — начале 1860-х гг. в совете института рассматривался вопрос о необходимости исправления ситуации, но каждый раз проведение реформ откладывалось на неопределенное время [10, с. 75–76]. Дополнительным фактором, который заставил руководство учебного заведения все же приступить к серьезным преобразованиям, стали обозначившиеся в это время трудности в финансировании института. Напомним, что Лазаревский институт являлся частным учебным заведением, содержавшимся на средства семьи армянских промышленников Лазаревых. Между тем в начале 1860-х гг. средств, получаемых в виде процентов с капиталов Лазаревых, а также платы за воспитанников, стало едва хватать для оплаты профессоров и учителей. В итоге попечитель Х. Е. Лазарев пришел к выводу, что единственным способом обеспечить будущее Лазаревского института является его передача в прямое ведение Министерства народного просвещения [22, с. VI].

В 1864 г. вступивший в должность директора института И. К. Бабст по поручению попечителя создал комиссию по пересмотру учебной программы института. Среди ее членов определились две точки зрения на возможные пути реформы учебного заведения. В центре дискуссии оказалась судьба преподавания восточных языков. Директор выступил за превращение института в обычную гимназию. Его оппонентом был профессор Г. И. Кананов, считавший необходимым не только сохранить, но и усилить преподавание востоковедческих дисциплин, но уже на других основаниях. Большая часть комиссии поддержала Г. И. Кананова. В итоге было решено отделить гимназические классы, которые теперь должны были полностью соответствовать утвержденной 19 ноября 1864 г. новой гимназической программе, от преобразованных специальных классов, с трехлетним сроком обучения, полностью посвященного изучению восточных языков [22, с. VI.; 19, с. 4–6].

Преобразования в Лазаревском институте шли полным ходом, когда в 1868 г. попечитель Х. Е. Лазарев, очевидно под влиянием директора И. К. Бабста, а также главного начальника института В. П. Буткова, неожиданно решил отказаться от преподавания в нем восточных языков с целью облегчить вхождение института в общую систему учебных заведений Министерства народного просвещения. В итоге по представлению главного начальника 14 апреля 1868 г. появилось высочайшее повеление об устройстве Лазаревского института, согласно которому после кончины последнего попечителя из фамилии Лазаревых учебное заведение должно было быть передано в ведение министерства с введением в нем полного курса классической гимназии [1, с. 84]. «Таким образом, — писал позднее Г. И. Кананов, — разумно выработанная комиссией реформа института была внезапно приостановлена на полпути. Вместо ожидаемой реорганизации преподавания восточных языков явилась необходимость, в силу нового закона, приступить к закрытию лицейских классов» [13, с. 40].

Новость о ликвидации в Лазаревском институте лицейских классов с изучением восточных языков вызвала протесты со стороны не только профессуры института, армянской интеллигенции, но и всего московского образованного общества. В ноябре 1868 г. попечитель Х. Е. Лазарев, поняв, что директор И. К. Бабст, не нашедший взаимопонимания с преподавательским составом института, не сможет в дальнейшем исполнять свои обязанности, уволил его от должности директора «по домашним обстоятельствам» [1, с. 86].

В апреле 1869 г. директором Лазаревского института вновь стал Николай Давыдович Делянов, который считал необходимым сохранить за институтом статус одного из крупных центров востоковедения. С целью добиться отмены указа от 14 апреля 1868 г. Н. Д. Делянов обратился за поддержкой и покровительством к министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому. Инспектор института Г. И. Кананов подготовил и сделал министру личный доклад о преимуществах института как востоковедческого учебного заведения. Граф Д. А. Толстой «отнесся с горячим интересом к вопросу о возобновлении изучения восточных языков и о восстановлении

прав Института». К этому времени главный начальник института В. П. Бутков уже подал в отставку, что дало возможность министру ходатайствовать о назначении главным начальником института себя. 21 апреля 1870 г. вышел указ «О принятии Министерству народного просвещения начальства над Лазаревским институтом восточных языков и о назначении министра народного просвещения графа Д. А. Толстого на должность главного начальника» [15, с. 297].

Приняв в свое ведение институт, министр предпринял деятельную подготовку к его преобразованию. В первую очередь он ходатайствовал перед Александром II о сохранении в институте преподавания восточных языков и дисциплин. Итогом усилий министра стало новое Высочайшее повеление от 30 мая 1870 г. об оставлении при институте специальных классов [22, с. IX–X]. Затем, лично посетив Лазаревский институт и ознакомившись со всеми его частями и делами, гр. Д. А. Толстой провел 25 августа 1870 г. под своим председательством заседание совета института в полном составе. На нем министр еще раз заявил о своей полной поддержке реформы института, направленной на сохранение его востоковедческого профиля. Учитывая изначальную специфику учебного заведения, он согласился сохранить в гимназических классах «обучение армянских детей их природному языку». Что касается специальных классов, то министр рекомендовал усилить в них преподавание восточных языков, а также даровать выпускникам необходимые права, с тем чтобы студенты-ориенталисты не стремились уходить в университеты. Для этого было предложено увеличить курс специальных классов до трех лет, с тем чтобы уравнивать студентов и профессоров института в правах со студентами и профессорами университетов. В число предметов преподавания гр. Д. А. Толстой предложил внести: армянскую и персидскую словесность, турецкий, татарский, грузинский и арабский языки, историю Востока, восточную каллиграфию и практику в восточных языках, а кроме того русскую словесность, с тем чтобы дать возможность студентам «восточного происхождения» вполне овладеть русским языком. Все эти предложения, согласованные с советом института и представленные министром в специальном всеподданнейшем докладе, вскоре были одобрены императором¹.

Для составления проекта устава и учебного плана специальных классов, а также положения о правах студентов и преподавателей по распоряжению гр. Д. А. Толстого была созвана особая комиссия из преподавателей института. [22, с. 80]. Уже в начале 1871 г. разработанный комиссией черновой вариант устава и штатов института был передан главным начальником института на рассмотрение в другие министерства и ведомства. При обсуждении проекта устава возникла дискуссия, которая хорошо характеризует те трудности, которые встречал на своем пути процесс становления российского «практического востоковедения». В частности, с замечаниями в адрес проекта выступили представители Азиатского департамента МИД. По их мнению, предусмотренные проектом цели учебной программы вряд ли могли быть достигнуты учащимися в течение трех лет. Соответственно, комиссии рекомендовалось увеличить курс до четырех лет. Отвечая на критику из МИДа, члены комиссии указали в первую очередь на то, что «учреждаемые при Лазаревском Институте Специальные классы должны отвечать иным целям, нежели восточной факультет С.-Петербургского университета; **они должны преследовать не исключительно учебную цель и будут вмещать в себе молодых людей, ищущих практической деятельности и служебной карьеры**, а для такового четырехлетний курс служил бы только отталкивающим, а не привлекающим средством» [22, с. 7]. Кроме того, введение четырехлетнего учебного курса потребовало бы больших затрат, между тем как при введении трехлетнего курса, подчеркивали члены комиссии, «серьезность и полнота изучения восточных языков не могут нимало пострадать» [22, с. 7].

Несмотря на высказанные замечания, в целом в МИДе более чем сочувственно отнеслись к проекту реформы института. В своем отзыве товарищ министра В. И. Вестман особо отметил, что «мысль поднять в Лазаревском Институте уровень изучения восточных языков вполне совпадает с видами Министерства иностранных дел, подавая ему надежду своевременно наполнять ряды желающих поступить на драгоманскую службу хорошо подготовленными молодыми ориенталистами» [22, с. 9].

Не встретив противодействия со стороны других министерств, проект вскоре поступил на рассмотрение в Кавказский комитет, который, внося в него ряд небольших поправок, его одобрил. 16 июня 1871 г. Александр II утвердил проект устройства при Лазаревском институте специальных классов, преподавание в которых должно было открыться с 1 сентября того же года [22, с. 84].

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 155. Л. 50 об. — 51.

Что же касается нового устава Лазаревского института, то, пройдя все ведомственные инстанции, 16 декабря 1872 г. он был утвержден императором. Согласно новому уставу в институте упразднилась должность главного начальника, поскольку он переходил в прямое ведение Министерства народного просвещения. Кроме того, звание попечителя Лазаревского института заменялось на звание «Почетный попечитель» [4, с. 1145].

По уставу 1872 г. Лазаревский институт восточных языков состоял из одного приготовительного, семи гимназических и трех специальных классов. Администрация была общей как для гимназических, так и для специальных классов, однако учебный процесс регламентировался отдельными уставами для гимназических и специальных классов. Гимназические классы Лазаревского института потеряли статус специальной средней школы, где преподавались восточные языки. Теперь их целью являлось: «доставлять воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служить приготовительным заведением для поступления в университет и высшие специальные училища» [1, с. 91]. Единственной особенностью гимназических классов института осталось обязательное для всех обучающихся здесь армян преподавание армянского языка и словесности.

Что касается специальных классов, то они по своей учебной программе, а также правам, предоставляемым выпускникам, являлись теперь высшим учебным заведением. Согласно утвержденному 16 июня 1872 г. уставу их главной целью являлось «изучение восточных языков». В специальных классах были учреждены следующие кафедры: 1. Армянской словесности; 2. Арабской словесности; 3. Персидской словесности; 4. Турецко-татарского языка; 5. Истории Востока; 6. Русской словесности; 7. Грузинского языка; 8. Практики персидского и турецкого языков; 9. Восточной каллиграфии. Несмотря на то, что по времени общий учебный курс специальных классов укладывался в три академических года, однако по своему объему он был «не только не меньше числа 4-летних лекций восточного факультета С.-Петербургского университета», но даже его превышал [22, с. 7].

Главное внимание в учебном плане уделялось преподаванию трех восточных языков (арабского, персидского и турецкого), которым отводилось наибольшее число часов по сравнению с другими дисциплинами (четыре часа в неделю на каждый предмет на всех трех курсах). Что касается армянского и грузинского языков, то они считались обязательными только для студентов из армян, грузин и «кавказских стипендиатов». Профильным предметом считалась также история Востока, которая читалась в течение всех трех курсов. Совет специальных классов выработал особую программу ее преподавания: она была разделена на три отдела, которые должны были читать два преподавателя. Один читал древний и средний периоды, а второй — новейшую историю стран Востока, с периода османского владычества. На кафедру истории Востока совет единогласно выбрал профессора Г. И. Кананова, на должность второго преподавателя согласился профессор Московского университета В. И. Герье [22, с. 7].

Стремясь улучшить учебный процесс, совет специальных классов уже с первых дней стал вносить изменения и дополнения в учебный план. В 1872 г. была установлена должность отдельного преподавателя практических занятий по арабскому языку, которая не была предусмотрена уставом. В 1876 г. введено преподавание французского языка в виде необязательного предмета по шесть часов в неделю. Это было сделано ввиду того, что в то время изучение восточных языков проходило с опорой на научные работы французских востоковедов [22, с. 28]. Существовала еще одна причина для введения французского языка в учебную программу классов. Знание его являлось обязательным для поступающих в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, тогда как именно туда, как правило, поступали выпускники специальных классов, стремившиеся сделать дипломатическую карьеру.

В июле 1881 г. директором Лазаревского института стал профессор Георгий Ильич Кананов, сыгравший ключевую роль в становлении здесь преподавания «практического востоковедения». При нем начался процесс пересмотра программ преподавания восточных языков. Характерно, что образцом для новых программ специальных классов стали программы преподавания в Петербургском университете, а также Парижской школе живых восточных языков. При этом совет оставлял за преподавателями практических языковых занятий определенную свободу в выборе методов и приемов преподавания [6, с. 29]. В 1883 г. совет специальных классов поручил преподавателям С. Е. Сакову, М. О. Аттая и М. Д. Ризаеву подготовить специальную программу для занятий по арабской каллиграфии, которая должна была познакомить студентов в течение трех курсов с главными почерками арабского письма: на I курсе — насхи и его подвиды насхи-сульс, рук'а, дивани; на II курсе — насхи-таалик; на III курсе — шикесте. В 1884 г. на ос-

новании доклада профессора С. Е. Сакова было постановлено в курсе турецкого языка отдать предпочтение «джагатайскому наречию», имевшему более широкое распространение в Средней Азии. При этом несколько часов оставлялось также для «адербейджанского» языка, широко распространенного в Закавказье [22, с. XIV–XV]. Одновременно с введением новых дисциплин была ужесточена система проверки знаний студентов, которые с 1882 г. должны были сдавать как устные, так и письменные экзамены по арабскому, персидскому и турецкому языкам [22, с. 30].

Поскольку специальные классы Лазаревского института должны были готовить студентов к гражданской службе, то в 1882 г. на одном из заседаний совета было высказано мнение о необходимости продлить срок учебы в институте на полгода, чтобы студенты могли пройти курс юриспруденции. Кроме того, совет рекомендовал уделять на юридические науки по три лекции в неделю в течение трех лет. Не относясь к востоковедению, они были необходимы для тех учащихся, которые хотели избрать карьеру чиновника. Тем не менее сразу решить этот вопрос не удалось. В 1892 г. совет, учитывая что институт не имеет средств для введения в учебный план политико-правовых дисциплин, добился от попечителя Московского учебного округа разрешения, чтобы студенты третьего курса могли слушать лекции в Московском университете по государственно-правовым, юридическим и политико-экономическим дисциплинам [1, с. 156].

В соответствии с заявленными в уставе специальных классов целями преподавания, среди студентов сразу выделилось несколько групп. Особняком стояла крайне немногочисленная группа студентов-востоковедов, проявлявших глубокий, живой интерес к Востоку и восточным языкам. Большая же часть студентов хотела лишь соответствовать образовательному цензу для службы на дипломатическом поприще. Меньшая часть желала приобрести аттестат, дававший право на поступление на государственную службу вообще. Таких с учетом трудности изучения восточных языков было немного, и, как правило, они покидали классы уже после первого полугодия.

Кроме обычных студентов в специальных классах могли учиться сторонние слушатели из числа семинаристов, студентов высших учебных заведений, военных и представителей духовенства [18, с. 3–6]. Среди военных было немало офицеров, проходивших службу в Туркестане. Православных священнослужителей интересовали восточные языки в целях предстоящей миссионерской деятельности на национальных окраинах империи. Много приходило студентов из Московского университета, Петровской земледельческой академии, Технического училища, хотевших овладеть тем или иным восточным языком, что могло пригодиться в случае прохождения дальнейшей службы на Кавказе или в Средней Азии [22, с. 37]. В 1888 г. руководство института открыло курсы восточных языков, которые сразу привлекли много слушателей.

Совет специальных классов был весьма заинтересован в утверждении и поддержании за классами статуса лучшего учебного заведения по подготовке специалистов-востоковедов — дипломатов и чиновников. Для этого, в частности, приходилось активно заниматься трудоустройством своих выпускников в соответствии с приобретенными ими знаниями. Частично проблема решалась за счет дальнейшего поступления выпускников специальных классов Лазаревского института в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, окончив которое они уже поступали на дипломатическую службу [6, с. 189–202].

Сложнее было с теми, кто хотел идти на гражданскую или военную службу. В § 24 устава специальных классов студенты говорилось: «Окончившие с отличным успехом полный курс учения и представившие сочинение по одному из преподаваемых в специальных классах предметов, в случае если последнее будет одобрено Советом, удостоиваются аттестата, дающего право на чин X класса»². Студенты же, «показавшие на окончательном испытании успехи удовлетворительные», получали аттестат, дававший право на чин XII класса³. Отдельной привилегией для окончивших специальные классы с правом на чины X и XII классов являлось дарованное им высочайшим указом от 20 октября 1890 г. право ношения особого золотого или серебряного вызолоченного жетона [22, с. 86].

Несмотря на то что выпускники классов имели существенные привилегии при поступлении на гражданскую службу, перед советом постоянно стояла проблема устройства их дальнейшей судьбы. Довольно часто совет напрямую обращался в различные ведомства и учреждения с просьбой о предоставлении выпускникам специальных классов служебных вакансий.

² АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 155. Л. 156 об.

³ Там же.

В 1876 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман предложил совету через министра народного просвещения ежегодно предоставлять ему сведения о студентах, которые после окончания классов готовы приехать на службу в Туркестан. В 1883 г. выпускникам специальных классов было официально предоставлены некоторые права и преимущества при поступлении их на службу в Туркестане, на Кавказе или в МИД.

Совет также постоянно ходатайствовал об обеспечении прав своих выпускников в случае их желания продолжить образование в других высших военных и гражданских учебных заведениях. С 1893 г. по распоряжению МНП окончившим курс специальных классов было разрешено проходить испытания в комиссии Восточных языков при Санкт-Петербургском университете на диплом первой и второй степени без предоставления выпускного университетского свидетельства. В 1902 г. Главное управление военно-учебных заведений предоставило лицам, успешно окончившим специальные классы Лазаревского института, право на поступление без экзаменов в одногодичные отделения Московского и Киевского военных училищ наравне с лицами, окончившими другие высшие учебные заведения [22, с. 87].

Сильной и одновременно слабой стороной специальных классов Лазаревского института в период 1870-х — 1880-х гг. являлся его преподавательский состав. Среди преподавателей классов были, конечно, настоящие ученые-востоковеды, такие как Г. И. Кананов, С. И. Назарянц или Н. О. Эмин. Но большую часть преподавателей специальных классов составляли талантливые переводчики-практики, блестяще знавшие во всех тонкостях преподаваемые ими восточные языки, но не имевшие историко-филологического образования и не занимавшиеся наукой. Так, выпускник института Хр. И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: «За исключением истории Востока, русской словесности и армянской словесности, преподавание всех остальных предметов было поставлено на практической основе; научных целей при изучении восточных языков Специальные Классы не преследовали» [22, с. 17]. С одной стороны, это положительно влияло на практическую языковую подготовку выпускников классов. Но с другой — отсутствие у многих преподавателей ученых степеней, а также их слабое знакомство с достижениями академического востоковедения — всё это значительно обедняло содержание преподавания в специальных классах.

В этой связи выпускник специальных классов знаменитый тюрколог профессор В. А. Гордлевский, вспоминая в частности о своем преподавателе турецкого языка, писал: «Как профессор, Саков был последний могикан, последний представитель отжившего и в России типа ученых; он хорошо знал и понимал османский язык, ухмыляясь в бороду, когда замечал промахи петроградских тюркологов; но дальше начетничества не ушел. Ему недоставало филологического образования, и, отмахиваясь правой рукой, он отклонял от себя научную работу, ибо не видел в ней практического смысла. Ему, впрочем, и негде было выучиться научным приемам. Лицейские классы Лазаревского института (в отношении преподавания восточных языков) походили скорее на медресе. Старейшее поколение Специальных классов вспоминало, как проф. Лазарев, перешедший сюда из лицейских классов, создавал на лекциях восточную обстановку: он садился со слушателями на полу и, раскачиваясь, читал нараспев Коран» [7, с. 404].

Одним из прямых следствий недостатка ученых среди преподавательского состава классов являлась бедность списка наименований учебных пособий по восточным языкам, имевшихся в институте. Временным выходом из этой ситуации являлось издание студенческих записей. Так, В. В. Бартольд писал: «Бедность русской научной литературы не только в области востоковедения еще заставляет прибегать к изданию так называемых “пособий по лекциям”, причем для этой цели часто служат студенческие записи, за которые преподаватель, давая разрешение на издание их в литографированном или печатном виде, конечно, не принимает на себя полной ответственности» [2, с. IX]. Таким способом в Лазаревском институте были изданы отдельные курсы, прочитанные профессором А. Н. Веселовским, а также в 1903 г. — лекции профессора В. И. Герье по новой истории Востока [5]. Сознвая потребность в хороших учебных пособиях по восточным языкам, совет специальных классов стремился путем оказания материальной поддержки побудить преподавателей к составлению учебных руководств, грамматик и хрестоматий. Так, 22 мая 1882 г. совет признал заслуживающими поощрения составленные М. О. Аттая и М. Д. Ризаевым учебники — практические руководства по арабскому и персидскому языкам. Совет постановил принять на счет института все издержки по их изданию, а также — купить для специальных классов по 100 экземпляров по назначенной авторами цене [22, с. 18].

Но кардинально изменить ситуацию с повышением уровня преподавания, а также с учебными пособиями могло только сочетание научных достижений зарубежного и отечественного

академического востоковедения с наработанным в стенах института бесценным опытом практического преподавания восточных языков. Не случайно, общероссийскую и европейскую известность специальные классы Лазаревского института приобрели именно в тот период, когда в его стенах стали преподавать выдающиеся ученые, представители московской школы востоковедения Ф. Е. Корш и В. Ф. Миллер. Эти два мэтра оказались своего рода камертоном преподавательской и научно-исследовательской деятельности в стенах института в конце XIX — начале XX вв. Их ученик, также выдающийся востоковед А. Е. Крымский так писал о Ф. Е. Корше и В. Ф. Миллере: «Оба первоклассные таланты, оба — глубокоучёные лингвисты, оба — всесторонне образованные люди с поразительной литературной начитанностью, оба — исследователи-художники с превосходным эстетическим чутьём, — они в течение всей жизни были, можно сказать, даже соперниками в славе» [14, с. 319].

Гениальность Федора Евгеньевича Корша признавали уже его современники. Поразительным было то количество языков, которыми учёный владел. Он мог свободно объясняться и писать на арабском, новогреческом, кумыкском, черкесском, персидском, турецком и множестве других. Идеально владел учёный античными языками и санскритом. Иранские, монгольские, тюркские, кавказские и финно-угорские языки также входили в его арсенал. Ходил анекдот, что В. О. Ключевский, знакомя кого-то с Ф. Е. Коршем, представил его следующим образом: «Вот это Корш Федор Евгеньевич — секретарь при Вавилонском столпотворении» [9, с. 7]. Начав с 1892 г. преподавать в Лазаревском институте, Корш в полной мере проявил себя здесь как востоковед-универсал, являясь выдающимся специалистом одновременно в различных областях иранистики, арабистики, тюркологии и др.

Через несколько лет после прихода в институт профессора Ф. Е. Корша здесь же начал преподавать другой выдающийся представитель московской школы востоковедения Всеволод Федорович Миллер. В сентябре 1897 г. он был назначен директором Лазаревского института восточных языков. Миллер был известен и как славист, и как специалист по санскриту. Однако в период его работы в Лазаревском институте главной сферой его научных интересов стало кавказоведение. Отличительной чертой В. Ф. Миллера являлось то, что он не был только кабинетным учёным. Весь обширный материал для своих кавказоведческих исследований он собрал в ходе длительных поездок по Северному Кавказу [12, с. 24–31].

С назначением В. Ф. Миллера директором Лазаревского института преподавание восточных языков в нём стало приобретать все более научный характер, но, как писал А. С. Хаханов, «без ущерба прежней особенности — практической подготовки студентов к деятельности на Востоке» [22, с. 21]. В специальных классах начали читаться различные новые курсы. В 1898–1900 гг. для всех желающих приват-доцент Московского университета Николай Николаевич Харузин читал курс лекций по этнографии. С того же 1898 г. приват-доцент Левон Зармайрович Мсерианц начал читать курсы по сравнительному языкознанию и древнеперсидскому языку. С 1900 г. в программу специальных классов было введен курс мусульманского права, а с 1902 г. — курс истории ислама. В 1901 г. в специальных классах ввели преподавание «сартско-го» (узбекского) языка [22, с. XV].

Высокий уровень преподавания восточных языков и других востоковедческих дисциплин в специальных классах Лазаревского института получил признание как в России, так и за рубежом. На Всероссийской выставке 1882 г. специальные классы были удостоены диплома II степени и серебряной медали за образцы восточного письма, исполненные студентами института. В 1900 г. специальные классы получили золотую медаль на Парижской выставке за учёные труды профессоров, а также за подготовленные его преподавателями учебные пособия по восточным языкам и экзаменационные письменные работы студентов, в том числе за исполненные ими образцы восточной каллиграфии.

Характерной чертой специальных классов в период пребывания профессора В. Ф. Миллера в должности директора стало активное вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Этому способствовали начавшие выходить в Лазаревском институте серийные научные издания — «Эминский этнографический фонд» и «Труды по востоковедению». В течение 1890-х гг. около 20 студентов специальных классов выступили со своими научными работами по востоковедению. Многие из них приняли участие в деятельности Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, а также Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Около 12 студентов во время летних каникул предприняли с научной целью поездки в Османскую империю и Персию [22, с. XVI].

Таким образом, профессора В. Ф. Миллер и Е. Ф. Корш заложили традицию широкого использования в учебном процессе специальных классов Лазаревского института достижений отечественного и западноевропейского академического востоковедения, что в итоге давало не только более фундированную подготовку востоковедов-практиков (дипломатов и чиновников), но также позволяло поддерживать процесс воспроизводства в стенах института пусть в небольшом количестве, но весьма востребованных, в частности для той же преподавательской работы, востоковедов-учёных. Ярким примером этого может служить судьба А. Е. Крымского и В. А. Гордлевского — представителей следующего поколения московской школы востоковедения. Выпускники специальных классов Лазаревского института, затем Московского университета, пройдя стажировку в странах Ближнего Востока, оба они вернулись в стены родного института уже в качестве преподавателей.

В 1898 г. решением совета специальных классов Лазаревского института А. Е. Крымскому в виде опыта было поручено чтение четырёх лекций по арабскому языку и словесности на всех трех курсах. Получив в 1899 г. в Петербургском университете звание магистра арабской словесности, А. Е. Крымский в 1900 г. занимает в специальных классах должность экстраординарного профессора. Как и его старшие коллеги, он стремится усовершенствовать преподавание восточных языков, сделав его более фундаментальным. Он ввёл курс по истории семитских языков с систематическими практическими занятиями по переводу с русского и французского языков на классический старо-арабский, а также ввёл курс по разбору историко-географических отрывков с чтением предварительных вводных лекций по арабской историографии. На первых курсах учёный стал читать студентам историю Корана с разбором хадисов, а на III курсе — историю арабской поэзии с чтением и объяснением важнейших поэтических размеров. Для лучших студентов Крымский сверх положенной программы ввёл выполнение обязательных домашних научных работ [22, с. 25]. Помимо курсов по арабской словесности, учёный систематически в течение 20 лет вел также курс истории Востока — вначале совместно с В. И. Герье, а затем с В. Ф. Миллером. В 1912 г., став экстраординарным профессором кафедры истории Востока, он начал читать студентам курсы по истории ислама, Персии и Османской империи. После кончины в 1915 г. Ф. Е. Корша совет передал ему часть курса по персидской литературе. Кроме того, за весьма короткий срок

А. Е. Крымский подготовил учебные пособия, обеспечившие преподавание арабской, персидской, турецкой словесности, истории ислама, а также истории народов Ближнего и Среднего Востока.

В 1907 г. в специальные классы в качестве преподавателя турецкого языка пришел В. А. Гордлевский. По примеру старших коллег, в первую очередь А. Е. Крымского, он также направил свои силы на восполнение недостатков в учебном процессе, прежде всего на разработку новых учебных пособий по турецкому языку и литературе. Именно преподавательская деятельность в Лазаревском институте способствовала появлению работ В. А. Гордлевского по турецкой литературе, этнографии, фольклору. Так, в 1909 г. вышло первое издание его работы «Очерки по новой османской литературе», основу которой составили лекции, читаемые в специальных классах.

Между тем, как это было в 1860-х гг., так и в 1900-х гг., на пути дальнейшего развития специальных классов Лазаревского института в качестве специализированного востоковедческого учебного заведения проявилось препятствие — унаследованная от прошлого, характерная для всей истории института многопрофильность. В какой-то момент гимназические классы стали явной обузой, мешающей развитию специальных классов. По сути, под одной крышей находилось два совершенно разных учебных заведений, связанных друг с другом только общей администрацией. Особенно четко этот факт подтвердили события 1905–1906 гг., когда учащиеся гимназических классов Лазаревского института были вовлечены в массовые беспорядки. В. Ф. Миллеру не удалось справиться с волнениями в стенах института [1, с. 151].

Полученный в 1905–1906 гг. негативный опыт привёл Миллера к выводу, что гимназические классы являются досадной помехой для научно-исследовательской и преподавательской работы специальных классов. Сразу после прекращения беспорядков в гимназических классах он предпринял попытку избавиться от них. А. Е. Крымский вспоминал: «Мечтая избавиться от гимназической обузы, Вс. Миллер в марте 1907 года составил и отправил в Министерство народного просвещения мотивированный проект преобразования специальных классов в совершенно самостоятельный “Восточный институт”, который бы ничего общего ни имел с “Лазаревскою гимназией”. Записка не достигла успеха в министерстве» [14, с. 319].

В 1911 г., в связи с тем что В. Ф. Миллер был избран в Академию наук в Петербурге, должность директора Лазаревского института занял ординарный профессор Московского университета, правовед Павел Васильевич Гидулянов. Не будучи востоковедом, но имея поддержку со стороны министра народного просвещения Л. А. Кассо, новый директор смог провести очередное преобразование специальных классов, целью которого являлось дальнейшее совершенствование преподавания в них «практического востоковедения».

Поводом для новой реформы стал вопрос организации для студентов специальных классов правоведческих дисциплин. Добившись в своё время для своих студентов права посещать занятия на юридическом факультете Московского университета, совет специальных классов уже через несколько лет убедился в неэффективности данной меры. Посещение студентами лекций на стороне отрицательно сказывалось на учебном процессе в самом институте. Очевидно, что следовало ввести собственные курсы лекций по праву. И в этой связи было принято решение не только дополнить учебный план недостающими предметами, но попытаться целиком пересмотреть и учебный план, и устав 1872 г. специальных классов Лазаревского института.

Что касается учебного плана, то согласно разработанному советом классов проекту туда теперь должны были войти ряд юридических дисциплин, а также политическая экономия. Было также предложено увеличить срок обучения до четырех лет. Для детальной разработки нового учебного плана, а также программ новых дисциплин совет рекомендовал привлечь профессоров Московского университета. В уставе было предложено изменить статьи, определявшие состав абитуриентов, имевших право поступить в специальные классы. Совет выступил за его расширение за счет выпускников реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов и духовных семинарий. При этом было указано, что для целей специальных классов прием в институт выпускников коммерческих и реальных училищ, которые имели хорошее знание новых иностранных языков (английского, французского или немецкого), был бы более полезен в плане изучения Востока, чем если бы принимались только воспитанники классических гимназий [1, с. 156].

Показательно, что разработанные московской профессурой устав и учебный план специальных классов Лазаревского института подверглись жесткой критике со стороны профессуры Восточного факультета Петербургского университета. Причина этого заключалась в различном видении двумя учеными корпорациями целей преподавания востоковедения. В Петербурге доминировала традиция преподавания «классического востоковедения», связанного с углубленным изучением древней и средневековой истории Востока, а также связанных с этими эпохами литературы и культуры. Здесь заботились прежде всего о воспроизводстве востоковедов-ученых, специалистов высокого уровня. В Лазаревском институте в большей степени ориентировались на массовую подготовку востоковедов-практиков, будущих дипломатов, чиновников, военных, которые могли бы служить на восточных окраинах империи или в странах Ближнего Востока. Выпускники специальных классов должны были в большей степени разбираться в тонкостях живых восточных языков, современных политических, правовых, культурных реалиях народов и стран Востока.

Так, петербургские профессора, воспринимая востоковедов как штучный, эксклюзивный «товар», выступили с критикой предложения расширить контингент абитуриентов специальных классов института. Московская профессура следующим образом защищала свою позицию: «Не разделяя точки зрения факультета, совет продолжает настаивать на необходимости открыть более широкий доступ молодым людям среднего образования в специальные классы, причем ставит только одно условие, чтобы поступающие были достаточно подготовлены к изучению преподаваемых предметов» [1, с. 157]. Профессура Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, с одной стороны, рекомендовала делать упор в преподавании востоковедческих дисциплин на средневековье, а с другой — выступала против введения в преподавание общественно-экономических и юридических предметов. Совет специальных классов Лазаревского института, напротив, считал, что следует главное внимание в преподавании уделять современному периоду, а введение правоведческих и экономических дисциплин крайне необходимо для студентов института [1, с. 157]. В то же время совет специальных классов Лазаревского института принял замечания петербургских коллег, которые касались изменений в штатном расписании. Согласно этим рекомендациям было постановлено учредить в специальных классах семь кафедр: 1. Арабской словесности (12 ч.); 2. Персидской словесности (12 ч.); 3. Турецко-татарской словесности (12 ч.); 4. Армянской словесности (8 ч.); 5. Грузинской словесности (8 ч.); 6. Истории Востока (6 ч.); 7. Русской словесности (6 ч.).

В целом принятый в 1912 г. новый учебный план специальных классов Лазаревского института более чётко выразил направленность учебного заведения на подготовку дипломатов и чиновников. С 1912/13 академического года в специальных классах вводилось разделение на два отделения: дипломатическое и административное. В «Правилах испытаний для студентов специальных классов...» говорилось: «...дипломатическое отделение предназначалось для лиц, желающих посвятить себя дипломатической деятельности или службе по Министерству иностранных дел. По административному отделению направляются лица, избирающие судебную или административную деятельность на наших окраинах, смежных с пределами Ближнего Востока, именно в Средней Азии, на Кавказе и т. д.» [17, с. 2].

В новый учебный план были включены следующие дисциплины: гражданское, торговое, государственное, международное, уголовное право, уголовный процесс, энциклопедия права, политическая экономия, а также история «восточного вопроса». Произошли изменения в преподавании истории Востока. Курс древней истории Востока был упразднён, а вместо него усилено преподавание «новой истории мусульманского Востока». Ряд дисциплин был выделен в группу «общих предметов», которые должен был сдать каждый студент независимо от того, на каком отделении он учился. К «общим предметам» относилось 17 дисциплин: арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, практика арабского языка, практика персидского языка, азербайджанский язык, восточная каллиграфия, энциклопедия права, политическая экономия в связи с финансами, основы гражданского права и процесса, торговое право, основы уголовного права и процесса, гражданский процесс, государственное право русское и важнейших иностранных держав в связи с административным правом, мусульманское право [17, с. 1]. На первом курсе для студентов каждого из отделений начали вводиться дисциплины специализации: на дипломатическом отделении — практика турецко-османского языка и французский язык, на административном отделении — армянская словесность и грузинский язык. Эти же предметы преподавались на втором курсе. К ним на последнем курсе добавлялся на дипломатическом отделении курс международного права, а на административном — курс узбекского (сартского) языка [17, с. 3–5].

Пройдя во второй половине XIX в. через несколько крупных преобразований, специальные классы Лазаревского института к 1917 г. стали ведущим российским учебным заведением, специализирующимся на подготовке «востоковедов-практиков», будущих дипломатов и чиновников, призванных служить в странах Ближнего Востока, а также на восточных и южных окраинах Российской империи. Отличительной чертой специальных классов стало использование в учебном процессе достижений как «академического», так и «практического востоковедения». Добиться такого эффективного синтеза удалось за счет удачной кадровой политики — привлечения к преподавательской деятельности лучших представителей московской школы востоковедения. Благодаря этому в 1890–1900-х гг. в специальных классах сложились условия не только для подготовки профессиональных востоковедов-практиков, но также для воспроизводства учёных-востоковедов, призванных продолжать традицию преподавания «практического востоковедения» в стенах Лазаревского института.

Революция 1917 г. прервала дальнейшую эволюцию учебного заведения, которая шла в направлении все большей востоковедной специализации, развития «практического востоковедения», расширения географии изучаемых регионов Востока, а также отказа от характерной для Лазаревского института в первой половине XIX в. многопрофильности. Так, можно предположить, что следующим шагом должно было стать отделение специальных классов от гимназических, с превращением первых в самостоятельный «Восточный институт». Реформы также должны были коснуться Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД. В мае 1917 г. специальная комиссия разработала проект преобразования Учебного отделения в «Дипломатический институт», в котором предполагалось создание трёх отделов — европейского (западного), ближневосточного и дальневосточного [21, с. 14]. Именно во второе отделение должны были приходить выпускники факультета восточных языков Петроградского университета, а также специальных классов Лазаревского института.

The role of the special classes of Lazarev Institute in the development of “practical Oriental studies” in Russia in second half of 19th – beginning of 20th centuries

Mikhail Volhonskiy, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO.

119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Summary. *The article describes a complex path of development of domestic «practical Oriental studies» in the second half of XIX – early XX centuries by the example of special classes Lazarev Institute. Passing during this time through several major transformations of special classes became a leading Russian educational institutions specializing in the preparation of the «Orientalists practitioners», future diplomats and officials, called to serve in the Middle East, and Eastern and southern outskirts of the Russian Empire. Hallmark special classes was the use in the educational process achievements as «academic» and «practical Oriental studies».*

Keywords: *The Russian Empire, Ministry of foreign Affairs, the Lazarev Institute of Oriental languages teaching, D. A. Tolstoy, G. I. Kananov, F. E. Korsh, V. F. Miller, A. Krymsky and V. A. Gordlevski.*

Литература / References

1. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. — М., 1973. [Bazianc A. P. Lazarevskij institut v istorii otechestvennogo vostokovedeniya. — M., 1973; Bazianc, A. P. Lazarev Institute in the history of Russian Oriental studies. — M., 1973].
2. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. — Л., 1925. [Bartol'd V. Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii. — L., 1925; Bartold V. History of studying of the East in Europe and Russia. — L., 1925].
3. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. — СПб., 1879. [Veselovskij N. I. Svedeniya ob oficial'nom prepodavanii vostochnyh yazykov v Rossii. — SPb., 1879; Veselovsky N. I. Information about the official teaching of Oriental languages in Russia. — SPb., 1879].
4. Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 2. — СПб., 1875. № 51655. [Vysochajshe utverzhdenyj ustav Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie 2-e. T. 47. CH. 2. — SPb., 1875. № 51655; Royally approved Statute of the Lazarev Institute of Oriental languages // Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2-E. T. 47. Part 2. — SPb., 1875. № 51655].
5. Герье В. И. Новая история Востока. Лекции проф. В. И. Герье, читанные в 1901–1902 гг. на II и III курсах специальных классов Лазаревского Института восточных языков. Изд. студента III курса К. Золотницкого, литография Иванова. — М., 1902 [Ger'e V. I. Novaya istoriya Vostoka. Lekcii prof. V. I. Ger'e, chitannye v 1901–1902 g. na II i III kursah special'nyh klassov Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov. Izd. studenta III kursa K. Zolotnitskogo, litografiya Ivanova. — M., 1902; Gere V. I. A New history of the East. Lectures of Professor V.I. Guerrier delivered in 1901–1902 on II and III courses of the special classes Lazarev Institute of Oriental languages. Ed. student of III year K. Zolotnitsky, lithograph Ivanov. — M., 1902].
6. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО. М., 2014. [Glavy iz istorii moskovskogo vostokovedeniya. Lazarevskij institut — Moskovskij institut vostokovedeniya — MGIMO. — M., 2014; Chapters from the history of Oriental studies in Moscow. Lazarevsky Institute — Moscow Institute of Oriental studies — MGIMO. — M., 2014].
7. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. — М., 1968 [Gordlevskij V. A. Izbrannye sochineniya. T. IV. — M., 1968; Gordlevski V. A. Selected works. T. IV. — M., 1968].
8. Джераси Роберт. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. — М., 2013. [Dzherasi Robert, Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii. — M., 2013.; Geraci Robert, Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia. Cornell University Press Ithaca and London, 2001].
9. Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш. — М., 1962. [Dmitriev N. K. Fedor Evgen'evich Korsh. — M., 1962; Dmitriev N. K. Fedor Yevgenievich Korsh. — M., 1962].
10. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. — М., 1863. [Istoricheskij ocherk Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. — M., 1863; Historical sketch of the Lazarev Institute of Oriental languages. — M., 1863].
11. История отечественного востоковедения с середины XIX в. — М., 1997. [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX v. — M., 1997; The history of Russian Oriental studies from mid-XIX V. — M., 1997].

12. Калоев Б. А. В. Ф. Миллер — кавказовед. — Орджоникидзе, 1963. [Kaloev B. A. V. F. Miller — kavkazoved. — Ordzhonikidze, 1963; Kaloev B. A. V. F. Miller — on the Caucasus. — Ordzhonikidze, 1963].
13. Кананов Г. И. Семидесятипятителетие Лазаревского Института восточных языков. 1815—1850 гг. — М., 1891. [Kananov G. I. Semidesyatipyatiletie Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov. 1815—1850 gg. — M., 1891; Kananov G. I. Seven fiftieth anniversary Lazarev Institute of Oriental languages. 1815—1850. — M., 1891].
14. Крымский А. В. Ф. Миллер (Некролог) // Голос Минувшего. 1913. № 12. [Krymskij A. V. F. Miller (Nekrolog) // Golos Minuvshogo. 1913. № 12; Krymskij A. V. F. Miller (Obituary) // Golos Minuvshogo. 1913. № 12].
15. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах. (конец XVIII в. — 1917 г.). — СПб., 1994. [Kulikova A. M. Vostokovedenie v rossijskikh zakonodatel'nyh aktah. (konec XVIII v. — 1917 g.). — SPb., 1994; Kulikova, A. M., Oriental studies in the Russian legislation. (the end of XVIII century — 1917). — SPb., 1994].
16. Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. — Екатеринбург, 2013. [Neklyudov E. G., Popova-Yatskevich E. G. Rod Lazarevyh. — Ekaterinburg, 2013; Neklyudov E. G., Popova-Yatskevich E. G. Rod Lazarev. — Yekaterinburg, 2013].
17. Правила испытаний для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. — М., 1912. [Pravila ispytaniy dlya studentov special'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. — M., 1912; Rules test for students of special classes Lazarev Institute of Oriental languages. — M., 1912].
18. Правила: а) о приеме в студенты и сторонние слушатели Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков; б) о прохождении курса студентами Специальных Классов. — М., 1916 [Pravila: a) o prieme v studenty i storonnie slushateli Special'nyh Klassov Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov; b) o prohozhdenii kursa studentami Special'nyh Klassov. — M., 1916; Rules: a) for admission to students and external students of Special Classes Lazarev Institute of Oriental languages; b) on completion of the course students Special Classes. — M., 1916].
19. Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского Института восточных языков по случаю совершившегося пятидесятилетия. — М., 1865. [Rechi i otchet, proiznesennye v torzhestvennom sobranii Lazarevskogo Instituta vostochnyh yazykov po sluchayu sovershivshegosya pyatidesyatiletia. — M., 1865; Speech and report delivered at the solemn meeting of the Lazarev Institute of Oriental languages on the occasion of the fiftieth anniversary occurred. — M., 1865].
20. Тольц Вера. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. — М., 2013. [Tol'c Vera, «Sobstvennyj Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij i rannesovetskij period. — M., 2013; Tolz, Vera, «Russia's own orient» the politics of identity and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet periods. — Oxford University Press, 2011].
21. Торкунов А. В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. [Torkunov A. V. Lazarevskij institut vostochnyh yazykov v kontekste istorii vostokovedeniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 6; Torkunov A. V. Lazarev Institute of Oriental languages in the context of the history of Oriental studies // Polis. Political studies. 2015. № 6].
22. Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. — М., 1903. [Tridcatiletie special'nyh klassov Lazarevskogo instituta vostochnyh yazykov. — M., 1903; Thirty years of special classes Lazarev Institute of Oriental languages. — M., 1903].